

РАСПУТАННАЯ ИСТОРИЯ: МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН С НАУШНИКАМИ КАК ИСТОЧНИК ПОРТАТИВНОЙ ВОВЛЕЧЕННОСТИ¹

Об авторе: Константин Глазков — н. с. Социологического института РАН (филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра) преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ, аспирант департамента социологии НИУ ВШЭ, glazkov.konst@gmail.com.

В работе демонстрируются возможности анализа ситуативных приличий использования мобильных телефонов с наушниками в публичных местах. На примере двух кейсов автор описывает ситуации, в которых телефон с наушниками позволяет участникам конструировать барьеры вовлеченности, уберегающие от нежелательных контактов. В некоторых из них манипуляции с телефоном воспринимаются как ситуативно неуместные и всячески маскируются под другие виды деятельности. На базе собранного видеоматериала и интервью делается вывод, что ситуативная уместность использования телефона формируется по мере накопления позитивного опыта считывания видимых проявлений тех или иных операций. Относительно одних операций (использование проводных наушников, набор текстовых сообщений) конвенции о публичных приличиях

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ №17-78-20164) «Социотехнические барьеры внедрения и использования информационных технологий в современной России: социологический анализ».

сформировались в большей степени, благодаря чему участники могут легитимно выстраивать индивидуальную вовлеченность в происходящее, в то время как другие (телефонный разговор по беспроводной гарнитуре) могут вызывать у остальных участников недоумение, требующее от «провокатора» скрывать неподобающую активность, давать пояснения либо маскировать их под другие операции. В итоге автор приходит к выводу, что использование экранов вовлеченности требует поиска баланса между степенью доступности и недоступности, когда индивиду приходится справляться с нежелательными эффектами самоизоляции или чрезмерно ловкого манипулирования своим присутствием.

Ключевые слова: мобильный телефон, наушники, публичные приличия, экраны вовлеченности, И. Гофман.

Неловкость соприсутствия

Когда мы обращаемся к мобильным устройствам? Например, когда нам надо проверить почту, созвониться или попросту скоротать время. Один из ответов на этот вопрос в духе микроанализа ситуаций публичного взаимодействия заключается в том, что мобильные устройства зачастую возникают у нас в руках как портативный источник вовлеченности, когда нам нечего делать, но присутствовать без дела крайне неловко, т.к. можно показаться бездельником или слишком навязчивым (см. рис. 1).

Мобильный телефон в данном случае выступает лишь одним из множества такого рода портативных устройств. Так, широко известна история о проблеме пассажиров метро, вызванной забастовкой газетчиков в 1954 г. в Британии. Гофман описывает ее следующим образом: «Пассажирам метро стало не за чем прятаться, — они лишились предмета, на котором можно подобающим образом сосредоточиться»¹. В результате

¹ Гофман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017. С. 117.

нехватки вовлеченности в сторонний объект пассажиры испытывали дискомфорт от того, что могли оставить впечатление, будто им нечем заняться, а это приравнивалось к саморазоблачению и «чрезмерному присутствию».

Рис. 1. Демонстрация пассажирами метро вовлеченности в другие активности

«Газеты играют здесь особенно важную роль, представляя собой портативный источник вовлеченности, который можно доставать всякий раз, когда индивид чувствует, что должен быть вовлечен во что-то, но ничего не происходящего нет»¹. Контекст использования телефона несколько более сложен, потому что манипуляции с ним часто выдаются за нечто существенное, а не просто за коротание времени. Игры, например, могут выглядеть для окружающих как набор текстовых сообщений или проверка социальных сетей.

Неудобства от «чрезмерного присутствия» в публичных местах (например, в лифте, на неудачной презентации или в аптеке при покупке ректальных свечей) напоминают переживания человека с анорексией, который под взглядами других ощущает, что занимает чересчур много места². Представляя связанную с этим проблему в понятиях публичного взаимодействия, то можно сказать, что в публичных местах мы часто чувствуем себя так, как будто привлекаем слишком много внимания; поэтому в нашем репертуаре есть приемы, с помощью которых мы это внимание с себя снимаем и тем самым нормализуем ситуацию.

М. Соколов неслучайно называет Гоффмана «летопис [цем] интерактивного ужаса, описывающего все виды страданий, источником которых для нас становятся наши ближние»³. Смысл различных способов изменить ситуацию, а значит и нормализовать собственное присутствие, заключаются в распределении вовлеченности индивида в столкновения (*encounters*) и собрания (*gatherings*), в поддержании нужного фокуса и исключении лишнего⁴. Для перераспределения внимания часто использу-

¹ Там же.

² Бардина С. Взгляд, тело и социальное взаимодействие: проблема искаженного восприятия собственного тела при анорексии // Социология власти. 2016. Т. 28. №1. С. 46.

³ Соколов М. М. Предисловие // Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. С. 36.

ются экраны вовлеченности (*shields of involvement*), наиболее распространенные из которых отличаются портативностью — это могут быть веера, маски, руки или газеты. Одним из мощнейших портативных экранов является разговор, который можно сворачивать и разворачивать в зависимости от необходимости. Для разговора, однако же, требуется собеседник; в случае его отсутствия ситуацию могут воспринять как психическое расстройство⁵.

Один из ключевых приемов поведения в публичных местах заключается в защите себя от участия в потенциальных столкновениях, которые могут возникнуть в ситуации скопления людей. Хотя скопления людей и неизбежны, индивидам при этом нельзя допускать излишней «эмиграции в себя»⁶, которая будет расценена как неуместная вовлеченность. Для этого необходимо заняться чем-то подобающим, что могло бы, с одной стороны, ограничить шансы нежелательного вторжения, а с другой — продемонстрировать уважение ко всем остальным участникам собрания, выказывая свое нежелание нарушать их границы приватности.

Подключенные к мобильному телефону наушники позволяют сохранить необходимую степень вовлеченности участника, не затрагивая при этом чужие границы приватности. Цель дальнейшего описания — проанализировать ряд приемов, к которым обращаются пользователи проводных и беспроводных наушников для обеспечения гладкости взаимодействия с окружающими за счет практик поддержания и прерывания экранов вовлеченности.

⁴ Goffman, E. (1961) *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction*. Penguin University Books.

⁵ Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации соборщ. С. 101—103, 267.

⁶ Там же. С. 288.

Кейс 1. Слушая музыку в метро: бреши в экранах вовлеченности

Описание первого кейса опирается на материалы видеонаблюдения за использованием гаджетов в метро. Из большого массива данных мы выбрали конкретный эпизод продолжительностью 46 секунд, который, на наш взгляд, удачно раскрывает сразу несколько нюансов, связанных с практиками поддержания недоступности в публичных местах с помощью ношения проводных наушников.

Девушка ехала в метро, попутно играла в игры на телефоне и слушала музыку в наушниках, по соседству с ней сидели другие пассажиры. На протяжении всего наблюдения девушка сидела с опущенной головой, глядя исключительно в экран телефона. Можно быть уверенным, что она наверняка не смогла рассмотреть тех, кто стоит напротив ее или сидит рядом. Подобный тип присутствия сложно охарактеризовать даже как вежливое невнимание, так как демонстраций того, что девушка заметила кого-то из окружающих и тем самым изменила поведение, нет — есть лишь полное их игнорирование. Кажется, будто она полностью выключена из ситуации, заранее выставив тотальный экран вовлеченности, отсекая шансы на любые интервенции чужаков извне. Но это не совсем так. Точнее будет сказать, что практики поддержания присутствия в данном случае сводятся к постоянному ремонту экрана вовлеченности, который при этом должен пропускать часть необходимой информации для навигации, например, сведения о следующей остановке.

Ниже приведен транскрипт видеофрагмента, под которым расположены первичные комментарии наблюдателя, хронометраж по кадрам и основные события происходящего (см. рис. 2 — 3).

При этом важно обратить внимание на то, как девушка минимизирует время «звуковой бреши», когда ей приходится останавливать трек, чтобы услышать объявление с названием следующей станции. Она остановила музыку в наушниках

Судя по всему, параллельно действиям с приложениями Девушка прослушивает музыку (в конце видео она открывает плеер и перелистывает аудиофайл). И единственным движением, не связанным с происходящим на экране телефона, является регулировка громкости, либо выбор прослушиваемого трека. Примечательно, что это происходит при остановках на станциях. Возможно, Д. убавляет громкость, чтобы услышать название станции и потом снова увеличивает громкость. Так происходит в 5.20, когда при остановке на станции она нажимает на кнопку гарнитуры (Headset-Press) и после объявления о следующей остановке, Д. снова нажимает Headset-Press.

Д. очень много "тупит", попросту не знает что делать, но иногда нажимает на экран, на давая ему погаснуть.

5.12	5.21	5.25	5.28	5.31	5.33	5.35	5.40-5.43
Поезд начал тормозить. Свет в вагоне «моргнул».	Объявление: "Станция «Свиблово»"	Поезд продолжает тормозить.	Поезд останавливается.	Поезд остановился.	Тишина, слышно электрическое жужжание.	Открылись двери.	Объявление: «Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – Бабушкинская».
Д. один раз нажала экран. Обеими руками держит телефон.	Д. сохраняет исходную позицию.	Д. сохраняет исходную позицию.	Д. правой рукой нащупывает Head-Press.	Д. нажимает кнопку гарнитуры.	Д. начинает опускать руку, но сразу же поднимает ее и чешет лицо.	Д. опускает руку в исходное положение, экран не трогает.	Д. поднимает руку к гарнитуре.

Рис. 2. Девушка в метро слушает музыку в наушниках
(ч. 1, [ссылка¹](#))

лишь после того, как поезд практически остановился, проходя уже мимо платформы станции. Здесь есть тонкий расчет. То, что поезд останавливается и что скоро прозвучит объявление станции, было понятно еще за 18 секунд до полной остановки состава. Но героиня как будто не обращает внимание на замедляющийся ход поезда, звуки торможения и световой сигнал, сообщающие о скорой остановке. Она также пропускает объявление о названии текущей станции, которое звучит одновременно с тормозным шумом. Иной неопытный пассажир, желающий узнать название станции прибытия, в этот момент бы сконцентрировался, постарался бы напрячь все силы,

¹ <https://drive.google.com/file/d/0BzJqvZ48nEyfQjRUOTc2ZXpyUXM/view>

			
5.40-5.43	5.44-5.50	5.52	5.58
Объявление: «Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – Бабушкинская ».	Звук выпущенного воздуха. Поезд трогается.	Поезд набирает скорость.	Поезд набирает скорость.
Д. поднимает руку к гарнитуре.	Д. нащупывает Head-Press. Нажимает кнопку гарнитур.	Д. возвращаетс я в исходное положение.	Д. нажимает на центральную кнопку Выход и листает приложения.

Рис. 3. Девушка в метро слушает музыку в наушниках
(ч. 2, [ссылка¹](#))

чтобы разобрать в этом шуме необходимую информацию – но не наша героиня со своей четко выверенной стратегией. Она дожидалась, когда поезд остановится, чтобы за небольшое время стоянки в относительной тишине услышать объявление следующей станции. Это, конечно, подразумевает, что девушка знала, ей выходить еще рано, но уже пора бы сори-

¹ <https://drive.google.com/file/d/0BzJqvZ48nEyfQjRUOTc2ZXpyUXM/view>

ентироваться по маршруту. После чего случается непредвиденное. Поезд несколько дольше обычного задержался на платформе с открытыми дверями. Лишь спустя девять секунд после остановки звучит название следующей станции, по окончании которого девушка тут же возобновляет дополнительный уровень защиты и снова включает трек.

Во всем этом эпизоде важно подчеркнуть две особенности в поведении пассажира. Первая связана с тем, что на протяжении всего эпизода (46 секунд) девушка ни разу не коснулась экрана телефона, т.е. не совершала никаких активных манипуляций. При этом она сохраняла одну и ту же позу, когда телефон находится в обеих руках, а всё внимание сосредоточено на экране. Можно, конечно, предположить, что героиня над чем-то задумалась (в этот момент на экране была игра, напоминающая «2048» или кроссворд), но поскольку сразу же после отправления поезда она нажала кнопку «Выход из приложения», можно сказать, что девушка не нажимала на экран не потому, что задумалась — она просто прислушивалась к происходящему и пыталась понять, где сейчас едет, предпочтя при этом, однако же, оставаться недоступной для окружающих и сохраняя позу полной погруженности в телефон.

Вторая особенность связана с нажатием кнопки гарнитуры (*Headset-Press*), отвечающие за остановку и возобновление музыки в наушниках. Для того, чтобы нащупать основную кнопку гарнитуры и не перепутать ее с меньшими, отвечающими за громкость, героиня каждый раз тратила около пяти секунд. Перед нами, таким образом, не самая простая операция, которая требует дополнительных усилий и временных издержек. Вместо этого она бы могла зайти в музыкальный плеер и остановить трек там, или попросту снять один или оба наушника. Первый вариант занял бы столько же или даже больше времени, чем нажатие на гарнитуру, тогда как второй разрушал бы видимость прослушивания музыки, увеличивая тем самым доступность девушки с точки зрения рисков вовлечения в происходящее — теперь кто-нибудь может к ней обратиться, полагая, что

его услышат. Важно, что она предпочитает сохранять видимость прослушивания музыки, оставляя наушники в ушах даже тогда, когда в них не играет музыка, что поддерживает видимость недоступности. Показательно также, что в момент остановки музыки героиня начинает затем опускать руку, но тут же поднимает ее обратно, чтобы почесать лицо, тем самым как бы маскируя первоначальную цель изменения консервативной позы полной увлеченности экраном телефона. Возможно, это совпадение объясняется тем, что девушка пытается лишний раз скрыть тот факт, что она остановила музыку и пытается на самом деле прислушаться к объявлению названия станции. Ситуация, когда индивид сознательно отгораживается от происходящего, выказывая любопытство лишь иногда, сама по себе дискомфортна. Публичные приличия требуют демонстрации того, что индивид не выбирал отгораживаться от других, что его/ее активная вовлеченность, направленная на себя или на другие предметы, обусловлена важностью совершаемых дел, а не уклонением от присутствующих. В таком случае вовлеченность должна быть полной и не прерываться в те или иные моменты, когда это выгодно индивиду, который как будто только и ждал, чтобы сбросить мнимую вовлеченность. В противном случае, как это было показано в описании кейса (5.33) — когда девушка опустила руку после выключения музыки, но быстро ее одернула и почесала лицо, — индивид переживает дискомфорт от того, что другие участники могут счесть его/ее полный отказ от взаимодействия грубым, что заставляет его как-то камуфлировать вынужденное прерывание экрана вовлеченности. Подобным образом индивид вновь обращается к использованию экрана вовлеченности после его вынужденного демонтажирования, и при этом продолжает не выказывать интереса к происходящему.

Кейс 2. Мнимая непрерывность вовлеченности: беспроводные наушники и ожидание взаимных включений

Второй кейс основан на шести интервью с пользователями беспроводных наушников *AirPods*. В выборку вошли трое муж-

чин и три женщины 23 — 28 лет, которые пользуются *AirPods* в среднем чуть более месяца. По роду деятельности среди них есть студенты, специалисты по работе с клиентами, а также мама с ребенком.

В контексте изучения экранов вовлеченности беспроводные наушники интересны в первую очередь тем, что позволяют пользователю уделять минимум внимания тому, есть ли сейчас у него в ушах наушники или нет, из-за чего может складываться впечатление, что индивид занят прослушиванием музыки или телефонными разговорами постоянно. С другой стороны, отсутствие проводов лишает процесс использования наушников наглядности, в связи с чем окружающие могут не считывать наличия наушников, а это создает вероятность для возникновения дополнительных конфузов. Мы попытаемся описать некоторые проблемы, с которыми сталкиваются пользователи таких наушников, а после сделаем вывод, существенно ли такой опыт отличается от опыта ношения проводных наушников с точки зрения соблюдения публичных приличий.

Некоторые информанты действительно отмечают, что беспроводные наушники находятся у них в ушах постоянно, и они забывают о них, из-за чего внешне может складываться впечатление, что они всегда чем-то заняты: либо прослушиванием музыки и другого контента, либо телефонными разговорами.

Наушники и так все равно в ушах. Как только вышел я из дома.

— «Это же по сути как шляпу надеть?»

Да. И это именно благодаря проводам. Потому что, если бы были бы провода, можно было бы задуматься в какой момент, чтобы они не мешали. А так ты про них забываешь (муж., 25 лет)

Одно из самых существенных отличий между проводными и беспроводными наушниками заключается в том, что со стороны отслеживать наличие в ушах беспроводных наушников гораздо сложнее, особенно если они сочетаются с длинными во-

лосами или шарфами и шапками в холодное время года. Как следствие, индивид может столкнуться с пренебрежением к своей недоступности со стороны окружающих: ему могут поставить ему в вину то, что он такой неотзывчивый.

В этих штуках человек сбоку не видит, что у тебя нет проводов, он начинает обращаться, а я не слышу, потому что громко достаточно играет музыка. И когда человек идет в больших наушниках, которые наружные, ты к нему не будешь обращаться. Когда ты видишь, что у человека из кармана торчит провод, ты скорее всего тоже не будешь, или как минимум попробуешь до него дотронуться, если тебе реально надо с ним повзаимодействовать. А я иду, у меня волосы распущены, не видно, что у меня в ушах, а меня могут окрикнуть. « [Имя], я уже за тобой минут семь!» Ну это не очень, наверное, красиво. Мало ли. Мне неловко. „Да у меня эти [беспроводные наушники]» (жен., 26 лет)

Вероятность неправильного распознавания степени доступности для взаимодействия требует от индивида умения предугадывать ситуации, когда он должен быть доступен, чтобы заранее гарантировать себе бесперебойную вовлеченность в происходящее.

Я уберу один наушник, остановится музыка.

— «В какой момент?»

В тот момент, когда надо поздороваться с кассиром. В этот момент я сниму наушник. Немного до оплаты. Тебе могут задать вопрос, тебя могут спросить, нужен ли тебе пакет, что-то еще спросить. Чтобы не быть, «А-а-А, что?!», чтобы этого вот не было, я это очень не люблю. Лучше это сделать немного заранее. Если ты сидишь в кафе демонстративно в наушниках с книжкой, максимально отвернувшись от всех, ты не планируешь ни с кем контактировать. Но когда ты намеренно попадаешь в скопления людей, в магазинах, в очереди, куда-то, то

высока вероятность твоего контакта с кем-то. Ты сам себя поставил в такую ситуацию, то, наверное, не очень правильно, создавать неудобства всем в очереди, могут сзади в очереди обратиться спросить: «Я отойду на секундочку», может кассир обратиться. Т.е. ты уже очень близок к коммуникации. Самый вежливый способ сделать эту коммуникацию максимально комфортной, и для тебя, чтобы тебя не отвлекали и не трогали (жен., 26 лет)

Возможность вынуть один наушник, после чего музыка автоматически останавливается и возобновляется, если вставить его обратно, позволяет более чутко манипулировать разрывами в музыкальном сопровождении, из-за чего индивид может поддерживать нужную ему степень доступности для взаимодействия с окружающими.

Очень порадовало, что вытаскиваешь из уха, музыка останавливается, вставляешь в ухо, музыка возобновляется.

— «В какой момент тебе это помогает?»

Разговор в магазине. Я останавливаюсь в магазине, мне не нужно ничего нажимать, на секундочку прерываю, если одну только достану, он как бы чувствует это движение. Т.е. везде где я взаимодействую с людьми на короткие эпизоды, это очень удобно (муж., 25 лет)

В ситуациях, когда индивид заведомо попадает в знакомые ему контексты (оплата товаров на кассе в супермаркете, ритуальное приветствие консьержа и т.д.), беспроводные наушники, таким образом, способны обеспечить чуткую настройку доступности. Однако же эта доступность всегда подчеркивается заблаговременным и демонстративным извлечением из ушей хотя бы одного (короткая коммуникация) или двух (продолжительная) наушников.

Хотя наушники находятся в ушах постоянно, звук они выдают не всегда, оставаясь иногда в ушах потому, что вскоре они

могут понадобиться. Из-за этого может возникнуть ситуация, когда индивид лишь кажется недоступным, тогда как на самом деле слышит окружающих ничуть не хуже, чем без них.

— «Но они же у тебя часто „не используются“, просто торчат в ушах?»

Но я знаю, что наступит момент, когда они в ближайшее время мне снова понадобятся. Чтобы не делать лишних движений (муж., 25 лет)

Теоретически окружающие люди могли бы вскоре привыкнуть, что наушники в ушах человека необязательно означает, что они используются прямо сейчас, а служат лишь для поддержания состояния «на связи». Пока что этого не происходит. В основном наушники (как проводные, так и беспроводные) оставляют в ушах, лишь если они непосредственно используются для прослушивания или переговоров, и снимают, когда они становятся не нужны. «Использование» при этом понимается информантами в двух разных смыслах: как ношение и как воспроизведение звука. На данный момент это одна операция, хотя между ними устанавливается все большее рассогласование.

— «А почему ты сейчас их снял? Они же не мешают воспринимать. Звук не приглушенный?»

Ну это странно. Глупо что-то использовать, чтобы оно где-то было, но ты не используешь в данный момент (муж., 25 лет)

Информанты признают, что наушники в ушах, даже если они не работают, создают видимость работы наушников, которая в свою очередь обеспечивает (порой ненужный) эффект недоступности индивида.

Да, нет отдачи. Может у меня и не играет ничего. Под черными очками у меня не закрыты глаза, и можно разговаривать. Но из элементарной вежливости предполагается, что ты снима-

ешь наушник, когда ты здороваешься, а когда разговариваешь, предполагается, что у тебя нет наушников. Потому что наушники — это твоя изоляция. Если ты разговариваешь с человеком, это тоже самое что сесть с телефоном и уткнуться. Да и то сесть с телефоном, у тебя нет визуального контакта. А тут у тебя нет не только визуального контакта, как в темных очках, ты еще и в наушниках, у тебя контакта нет вообще с человеком, он для тебя может быть такой пляшущей обезьянкой. Я же не знаю, есть у тебя в наушниках сейчас музыка или нет. И мне некомфортно, вдруг ты меня уже полчаса не слушаешь, включил музыку и ки-ваешь (жен., 26 лет)

Беспроводные наушники позволяют с минимальным дискомфортом постоянно пользоваться лишь одним наушником, в то время как другой находится в чехле для подзарядки. Среди информантов такой вариант использования довольно распространен, но обосновывается очень по-разному. С одной стороны, в случае со специалистом по работе с клиентами один наушник обеспечивает состояние «на связи», когда ты всегда готов откликнуться на удаленную коммуникацию. С другой стороны, в случае с мамой, которая сидит с ребенком, один наушник позволяет непрерывно поддерживать материнскую настороженность, чуткость к происходящему в непосредственной близости от тебя. В обоих случаях подразумевается некий баланс между удаленной и непосредственной доступностью, где в зависимости от ситуации будет выбран приоритет в пользу того или иного типа коммуникации.

Применительно к использованию беспроводных наушников мы можем наблюдать довольно специфические манипуляции, связанные с эпизодическими проверками, не выпал ли один или оба наушника из ушей. Если до этого мы говорили о прослушивании музыки через наушники как об исключительно фоновой активности, которая позволяет индивиду обрести должный вид вовлеченности в свои дела, то по отношению к беспроводным наушникам музыка выступает не только в качестве предлога для

выстраивания экрана вовлеченности, но и как инструмент диагностики, всё ли с экраном вовлеченности в порядке.

— «Риск потерять [наушник], насколько ты об этом переживаешь?»

Я проверяю всё время. В ушах, не в ушах. Учítывая, что если одно ухо теряется, сразу музыка останавливается, то если у меня что-то случилось с музыкой, то я сразу проверяю. Бывает, случайно нажимаешь на телефоне, и музыка на паузу встает. Они [наушники AirPods] легкие, их в ушах не чувствуешь. Не могу сказать, что от страха этого избавилась (жен., 27 лет)

Возможность непрерывного использования (в смысле ношения) беспроводных наушников, таким образом, оборачивается постоянными манипуляциями для поддержания должной степени доступности для взаимодействия, что требует от индивида предугадывать ситуации, когда она/он должен снять один или оба наушника. К тому же даже простая видимость использования наушников (в смысле воспроизводства звуков) не приводит к разоблачению индивида окружающими, а наоборот, вынуждает его прилагать дополнительные усилия, чтобы подчеркнуть, что она/он открыт для взаимодействия.

Заключение

Оба представленных в исследовании кейса демонстрируют принцип работы публичных приличий в условиях повсеместного использования гаджетов. В первом случае телефон используется как легитимное средство предотвращения каких-либо контактов с другими пассажирами метро. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом. С одной стороны, индивид постоянно занимается выстраиванием и поддержанием многоуровневого экрана вовлеченности, состоящего из пребывания в консервативной позе (немного сутулая посадка, взгляд направлен только на экран телефона, телефон держится обеими руками) и прослушивания музыки через наушники. С другой

стороны, индивид не может позволить себе полной отрешенности от происходящего — в частности, иногда приходится выяснять, на какую станцию прибыл поезд и какая следующая. Тогда индивиду требуется демонтировать некоторые экраны вовлеченности — например, поставить музыку на паузу, чтобы услышать название станции. Но эту операцию девушка осуществляет с минимизацией времени, тем самым пытаясь как можно более чутко управлять степенью доступности для взаимодействия с окружающими. К тому же прерывание экранов вовлеченности подчеркивает неловкость ситуации, в которой индивид, симулирующий полную отрешенность, ловко выбирает момент, когда ей/ему удобно включиться в происходящее, а когда покинуть пределы досягаемости других участников. Эта неловкость ощущается индивидом, и он/она старается скрыть факт прерывания экранов вовлеченности, сохраняя видимость их функционирования, — например, оставляя наушники без музыки в ушах.

Беспроводные наушники в целом функционируют примерно тем же образом. Однако мы пытались оттолкнуться от того, что незаметное (как для пользователя, так и порой для окружающих) пребывание в ушах и возможность без видимых усилий приостановить или выключить музыку делают их использование (в смысле ношение) более повсеместным и непрерывным. На деле мы видим, что, обретая более чуткий контроль за музыкальным потоком, пользователи беспроводных наушников обращают этот контроль в инструмент поддержания своей доступности в тех ситуациях, в которых индивид намеренно оказался, при этом ожидая взаимные включения ее/его со стороны окружающих. Т.е. функционирование экрана вовлеченности подразумевает выстраивание баланса между степенью доступности и недоступности, когда резкие переключения между этими крайностями требуют дополнительной компенсации, чтобы не затруднить плавность протекающего взаимодействия в конкретной ситуации.

Другой вопрос, который нам не удалось полноценно осветить в рамках текста, связан с тем, чью именно приватность

и недоступность оберегают наушники — тех, кто их носит, или окружающих?

Когда слушаю музыку, мне проще. Начинаю прислушиваться, становится интересно, или неинтересно, непонятно, зачем я это слушаю.

— «Почему это плохо?»

Потому что лезешь в чужую жизнь.

— «Не ты же лезешь, а к тебе лезут!»

Ну нет. Не знаю. Не очень вежливо. Я бы не хотела, чтобы кто-то мои разговоры слышал. Это как будто кто-то твою книжку читают. Или в телефон. Когда сидишь в общественном транспорте, а кто-то начинает заглядывать тебе в экран. Вроде ничего, но не очень приятно. Нарушение личного пространства чужого человека (жен., 27 лет)

Выходит, что ношение наушников может выглядеть как жест доброй воли, когда индивид выбирает (мнимую) самоизоляцию, дабы снизить напряжение у участников собрания, которые тяготятся ее/его присутствием. Самоизоляция, однако же, требует должного оформления с точки зрения того, как именно распределяется внимание между экраном вовлеченности и окружающим, иначе она будет воспринята как грубый отказ от взаимодействия или чрезмерно ловкое манипулирование своим присутствием.

В различных ситуациях мобильный телефон с наушниками, таким образом, выступает в качестве портативного источника вовлеченности. В одних случаях телефон позволяет выстраивать достаточно эффективные барьеры для предотвращения нежелательных внешних контактов. В других — вынуждает скрывать манипуляции с телефоном, выдавая их за другие, более подходящие формы активности или испытывая дискомфорт, связанный с повышенным вниманием к себе. Во многом варьирующаяся уместность использования мобильного телефона зависит от представлений, какие манипуляции с телефоном считаются

допустимыми в конкретной ситуации, и от умения считывать внешние проявления той или иной операции. Например, за последнее десятилетие мы неплохо научились распознавать ситуации, когда человек разговаривает по телефону, прислонив руку к уху, даже если мы не видим в этой руке телефон и тем более того, что происходит в этот момент на его экране. Но разговор с помощью беспроводной гарнитуры всё ещё продолжает иногда вызывать дискомфорт, так как если человек в наушниках, казалось бы, слушающий музыку, начинает что-то довольно громко говорить — это все еще неожиданно. Вполне логично предположить, что по мере распространения технологии беспроводных наушников представления о границах дозволенного в публичных местах будут изменяться. Если когда-то ношение хотя бы одного наушника могло выглядеть как грубое нежелание общаться, то теперь постепенно накапливается опыт повсеместного ношения обоих наушников без утраты доступности для взаимодействия. Однако же индивиды, постоянно использующие оба наушника, продолжают испытывать необходимость бороться с нежелательным для них эффектом недоступности, что лишний раз подчеркивает важность поиска баланса вовлеченности в происходящее здесь и сейчас.

Библиография

Бардина С. Взгляд, тело и социальное взаимодействие: проблема искаженного восприятия собственного тела при анорексии // Социология власти. 2016. Т. 28. №1. С. 35–54.

Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017.

Соколов М. М. Предисловие // Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017. С. 9–54.

Goffman, E. (1961) *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction*. Penguin University Books.